

История государства и права

УДК 340.15

JEL classification K10

РОЖНОВ Артемий Анатольевич

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия.

<http://orcid.org/0000-0002-6038-8129>

Рожнов Артемий Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности, Москва, Россия. E-mail: roartan@mail.ru

РУССКОЕ ИМПЕРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В XVIII В.

Аннотация

Предмет/ тема. В статье представлена характеристика имперского (национально-государственного) строительства в Российской Империи в XVIII в.

Цели / задачи. Целью работы является раскрытие важнейших особенностей правового положения инациональных окраин Российской Империи, вошедших в состав России в XVIII в., и общего направления государственной политики в сфере национально- государственного строительства. Статья базируется на изучении соответствующих нормативных правовых источников, актового материала и научной литературы по данной теме. Основное внимание в работе уделяется анализу правового статуса Прибалтики, Казахстана, западнорусских земель, Крыма, Кавказа, Аляски и Алеутских островов, Башкирии, Калмыкии, Сибири и Малороссии. Отдельно рассматриваются вопросы, связанные с общими аспектами имперской политики в отношении представителей инородческой элиты, а также со спецификой религиозной политики имперского центра на новоприсоединенных землях.

Методология. Методологическую основу исследования составляют всеобщие методы познания; общенаучные методы, а также анализ, синтез и др.

Вывод. В результате изучения особенностей национальной и конфессиональной политики русской власти и системы управления инациональными территориями делается вывод о том, что государственное управление инородческими окраинами Империи в XVIII в. характеризовалось предоставлением им на начальном этапе нахождения в составе России более или менее широкой автономии вплоть до фактического статуса «государства в государстве» и последующим ее постепенным ограничением и даже практически полным упразднением.

Ключевые слова: *Российская Империя, имперское строительство, колонизация, инородцы, ясак.*

History of state and law

Artemiy A. Rozhnov, Professor of the Department of Legal regulation of economic operations of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor.

RUSSIAN IMPERIAL CONSTRUCTION IN THE XVIII CENTURY

Abstract

Subject / Topic The article represents a description of the imperial construction in the Russian Empire in the 18th century.

Goals / Objectives The aim of the work is to reveal the most important features of the legal status of the non-Russian territories of the Russian Empire which became part of Russia in the 18th century and the general direction of state policy in the field of national-state construction. The article is based on the study of the relevant normative legal sources, act material and scientific literature on this topic. The author primarily analyses the legal status of the Baltic States, Kazakhstan, West Russian lands, Crimea, Caucasus, Alaska and Aleutian Islands, Bashkiria, Kalmykia, Siberia and Malorossia (Ukraine). The author also takes into consideration different issues related to the general aspects of the imperial policy towards the representatives of the alien elite as well as the specifics of the religious policy of the imperial center in the newly united lands.

Methodology The methodological basis of the study consists of the universal methods of cognition; general scientific methods, as well as analysis, synthesis, etc.

Conclusion and Relevance After the study of features of national and confessional policy of the Russian government and the system of management of the non-Russian territories the author comes to the conclusion that the state management of the non-Russian territories of the Empire in the 18th century was characterized by granting them at the initial stage of being part of Russia more or less broad autonomy up to the actual status of «state within the state» and its subsequent gradual restriction and even almost complete abolition.

Keywords: *the Russian Empire, the imperial construction, colonization, «inorodtsy» (allogeneous people), yasak.*

В XVIII в. продолжилось начавшееся в эпоху Московского Государства территориальное расширение России [1, с. 182–185, 300–305] за счет ее «прирастания» новыми землями, на которых проживали народы, изъявившие желание войти в состав Российского государства или присоединенные к нему вооруженным путем. Наиболее заметными территориальными приобретениями России в рассматриваемый период стали Карелия, Эстляндия, Лифляндия, Камчатка (при Петре I), Хакасия (при Петре II), западный Казахстан (при Анне Ивановне), Алтай (при Елизавете Петровне), западнорусские (белорусские и украинские) земли, Курляндия, Литва, Чукотка, Курилы, Осетия, Ингушетия, Кабарда, Крым и северное Причерноморье (при Екатерине II), Грузия, Аляска и Алеутские острова (при Павле I). В результате активного продвижения России во всех направлениях население Империи не только значительно увеличилось, но и стало еще более пестрым, чем было ранее.

Как и в период становления Империи при московских Государях, в XVIII в. русская власть проводила свою социальную политику в отношении инородческого населения, прежде всего опираясь на представителей местных элит и стремясь как можно быстрее и прочнее привязать их к России. Данная цель достигалась традиционными методами: посредством сохранения за аристократией и родоплеменной верхушкой их прежних прав, привилегий и иммунитетов и предоставления им новых льгот, а также через включение инородческой элиты в состав российского дворянства. Последнее являлось «этнически открытым сословием, и на место в его рядах мог в принципе рассчитывать любой представитель нерусской элиты», в силу чего «сам процесс формирования российского дворянства представлял собой постепенное интегрирование различных по происхождению людей и семей в единую аристократическую корпорацию» [2, с. 203]. Что касается рядовых инородцев, то они в подавляющем большинстве входили в состав государственных крестьян и податных горожан. До середины XVIII в. рекрутская повинность возлагалась только на русское податное население и лишь в конце этого века была распространена на западнорусские земли. Представители же неславянских народов Империи несли военную службу лишь в качестве вспомогательной кавалерии, при этом их подразделения, как правило, входили в состав казачьих войск и использовались главным образом для разведки и партизанских рейдов [3, с. 8–9].

Территориальный рост России ознаменовался вхождением в ее состав не только народов, придерживавшихся мусульманских и языческих верований, но и инославных христиан (католиков и протестантов), а также иудеев, что привело к дальнейшему усложнению конфессионального состава населения Империи. В отношении своих новых подданных русская власть в целом проводила ту же религиозную политику, что и московские Государя, которая базировалась на принципе веротерпимости. Наиболее полное развитие он получил в царствование Екатерины II, которая наряду с официальным провозглашением «терпимости всех вероисповеданий» даже запретила православным архиереям вмешиваться в дела, касавшиеся иноверцев, и одновременно предоставила последним свободу строить свои культовые объекты и открывать духовные школы, причем государство оказывало мусульманскому и буддистскому духовенству необходимую финансовую поддержку в этом. Для управления делами мусульман Поволжья в 1788 г. в Уфе было учреждено «Уфимское духовное магометанского закона собрание» (муфтият). Что касается православной миссии среди неправославных и нехристианских народов России, то она продолжалась на протяжении всего XVIII в. и в первую очередь была ориентирована на жителей Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Своего апогея и наибольших успехов церковное миссионерство при содействии государства, сочетавшее проповедь Христовой веры с различными формами материального, правового и прочего стимулирования и

поощрения, достигло при Императрице Елизавете Петровне. При Екатерине II же государство, напротив, существенно ограничило православную миссионерскую деятельность, в результате чего она резко пошла на убыль.

Особенности государственного управления отдельными имперскими окраинами в XVIII в. заключались в следующем.

На протяжении большей части XVIII в. Прибалтика продолжала жить так, как жила еще до ее включения в состав России. Местное дворянство, преимущественно немецкое, и горожане имели собственные корпоративные организации, города управлялись на основании исконных магистратских установлений, в каждой исторической провинции действовал свой сословный орган, в который входили представители духовенства, дворянства и городского населения, а принадлежность Прибалтики к России проявлялась лишь в русском военном присутствии в крае. Таким образом, фактически все это время в Остзейских губерниях России «господствовал правовой порядок, застывший в своем развитии на уровне XIV в.» [4, с. 290]. Центральное управление Прибалтикой осуществляли Камер–контора и Юстиц–коллегия Лифляндских и Эстляндских дел, в 1739–1742 гг. объединенные в Коллегию Лифляндских и Эстляндских дел. Такой правовой статус Прибалтики вполне соответствовал содержанию Государевых жалованных грамот, Манифестов и международных договоров России относительно данной территории (с петровских времен Лифляндии и Эстляндии, а с 1795 г. еще и Курляндии), которые предусматривали сохранение земельных владений, прав, привилегий и самоуправления остзейского дворянства и городов, а также свободу протестантского вероисповедания местного населения.

В то же время русская Верховная власть оставляла за собой право вносить изменения в устройство и управление прибалтийской окраиной и в 1780–х гг. Екатерина II им воспользовалась. Особые формы местного управления, полиции, суда и т. д. были ею отменены и в целях сближения Прибалтики с остальной Россией ее административная и судебная системы стали перестраиваться на основании Учреждения о губерниях, местное дворянство было уравнено в статусе с российским согласно Жалованной грамоте дворянству, а на горожан было распространено действие Жалованной грамоты городам. Впрочем, екатерининские нововведения просуществовали в Прибалтике недолго, поскольку уже в 1797 г. Павел I восстановил прежние порядки.

В царствование Анны Ивановны в состав Российской Империи вошла часть казахских земель, а именно Младший жуз и некоторые территории Среднего жуза. Условия принятия казахов в российское подданство были вполне традиционными для взаимоотношений русской власти со степными народами и включали такие ключевые взаимные обязательства, как, с одной стороны, обязанность казахов верно служить Государыне, в том числе участвовать по ее указу в военных кампаниях, и платить ясак, а с

другой, обязанность русской Императрицы защищать казахов от любых «обид и разорений». На первом этапе нахождения Казахстана под властью России она совершенно не вмешивалась в дела его внутреннего управления, не требовала уплаты ясака и не использовала казахов в военных действиях вдали от мест их проживания. По сути, российское подданство казахов было сугубо номинальным.

Лишь при Екатерине II стали предприниматься первые шаги, направленные на более прочную интеграцию Казахстана в имперское пространство, которые выражались в начавшемся процессе постепенного включения казахских правителей в состав российской элиты, в попытке проведения судебной реформы, нацеленной на унификацию казахской и российской судебных систем, а самое главное, в том, что отныне имперская власть фактически назначала казахских ханов при формальном сохранении традиционной процедуры их избрания на курултае. Непосредственное взаимодействие казахской верхушки с российской администрацией осуществлялось через Оренбургскую экспедицию (комиссию), но впоследствии Екатерина II разрешила направлять к ней депутатов от казахских старшин и народа.

Управление западнорусскими землями, вошедшими в состав Российской Империи при Екатерине II в результате трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.), осуществлялось с учетом очень длительного их нахождения в составе польского государства. Специфика Западного края заключалась в том, что господствующим элементом в нем являлись поляки, а подавляющее большинство населения, которое составляли белорусы и украинцы, находилось в исключительно тяжелой форме крепостной зависимости от своих господ. Первые несколько лет после присоединения к России в крае продолжали действовать все прежние польские институты дворянского и городского самоуправления, а ключевым источником права выступал Литовский статут в редакции 1588 г. Однако в 1778 г. на территорию края было распространено действие Учреждения о губерниях, что означало перестройку системы местного управления на общеимперских началах. С восшествием на престол Императора Павла в Западном крае, как и в Прибалтике, произошел возврат к доекатерининским порядкам, хотя и не в полном объеме. Представителями имперской власти в западнорусских губерниях являлись генерал–губернаторы и губернаторы.

После завоевания Россией Крыма на территории бывшего Крымского ханства Екатериной II в 1784 г. была образована Таврическая область. Местному крымско–татарскому населению были гарантированы свобода мусульманского вероисповедания, защита имущественных и прочих прав, уравнение в сословном статусе с соответствующими сословиями в остальной России. Возглавлял Таврическую область губернатор, а сама она подразделялась на несколько уездов, которые в свою очередь состояли из более мелких исконных административно–территориальных единиц во главе с крымскими татарами. Павел I упразднил Таврическую область и

включил ее в состав Новороссийской губернии.

Несмотря на то что в результате продвижения России на Кавказ значительная часть территории Северного Кавказа к середине 1780–х гг. оказалась внутри российских границ, тем не менее в этот период «присоединение северокавказских земель к России носило во многом формальный характер» [5, с. 104–105]. Заключавшиеся с многочисленными местными правителями договоры предусматривали различные взаимные обязательства, но не предполагали какого-либо вмешательства русской власти в дела внутреннего управления. Лишь в конце XVIII в. Россия стала усиливать свое военное присутствие в данном регионе, а для более эффективного управления местным казачеством и горскими народами в 1785 г. было образовано Кавказское наместничество во главе с наместником, в руках которого сосредотачивалась гражданская и военная власть. В 1796 г. наместничество было упразднено.

Незадолго до убийства Императора Павла последовало официальное принятие Восточной Грузии (Картли–Кахетии) в подданство России и преобразование новой окраины в Грузинскую губернию, возглавлявшуюся генерал–губернатором. Окончательное определение статуса Грузии в составе Российской Империи произошло уже при Александре I.

Очень значительную специфику имело управление Аляской и Алеутскими островами, которые вошли в состав России в середине 1760–х гг. по праву оккупации, то есть завладения ничейной землей. Из–за огромных расстояний между европейской Россией и Америкой длительное время институты российской государственной власти в самой восточной окраине Империи отсутствовали, но при этом шло ее усиленное хозяйственное освоение русскими купцами и промышленниками. В итоге в 1797 г. в результате объединения купеческих капиталов была образована «Американская соединенная компания», вскоре переименованная в «Российско–американскую компанию», которая помимо осуществления чисто предпринимательской деятельности приняла на себя обязательства по открытию новых земель, включению проживавших на них народов в русское подданство и их крещению в Православную веру. Заинтересованный в эффективном освоении Русской Америки и управлении тамошним туземным и пришлым населением, Император Павел поддержал частную купеческую инициативу и предоставил компании соответствующую привилегию сроком на 20 лет. Таким образом, Российско–американская компания представляла собой не просто монопольное акционерное общество, преследовавшее сугубо коммерческие цели, но и инструмент реализации государственных задач посредством частных лиц, и в этом плане, то есть благодаря соединению в ее деятельности частных и государственных интересов, Российско–американская компания имела очевидные общие черты как, например, со знаменитым семейством купцов и промышленников Строгановых, с середины XVI в. действовавших на территории Урала и Сибири, так и с

аналогичными западными компаниями. Во главе Российско–американской компании находилось правление в составе сперва двух, а затем четырех директоров, избравшихся на общем собрании акционеров, которые имели право голоса. В XIX в. в управлении делами Российско–американской компании стало непосредственно и все более активно участвовать государство.

В XVIII в. произошли определенные изменения в государственном управлении и положении народов, которые вошли в состав России еще в «московскую» эпоху.

Так, несмотря на то что на башкир не была распространена подушная подать, на них тем не менее было наложено множество новых податей и казенных повинностей, традиционный ясак был заменен соляной монополией, а многие земли, пожалованные башкирам навечно еще Иваном Грозным, были изъяты у них под крепости и заводы без права пользования ими. Все это вызывало недовольство башкир и приводило к неоднократной дестабилизации обстановке в крае. В целях улучшения социальной, экономической и политической ситуации в Башкирии и для усиления охраны юго–восточных границ Империи при Павле I башкирское и мишарское население было переведено в служилое сословие, обязанное нести пограничную и другие виды военной службы, и объединено в иррегулярное Башкиро–мещерякское войско. Соответствующая территория была подразделена на «кантоны», которые в свою очередь делились на «юрты», включавшие несколько деревень. Должностными лицами кантонного управления являлись представители башкирской и мишарской элиты. Начальники кантонов находились в подчинении военного губернатора. Помимо военной службы население было обязано нести ряд других повинностей (почтовую, подводную и др.) и уплачивать некоторые сборы.

На протяжении большей части XVIII в. Калмыкия продолжала пользоваться значительной автономией: взаимоотношения русской власти с калмыками происходили через Коллегию иностранных дел, во главе Калмыкии находился хан, который избирался местными владетельными князьями и родовыми старейшинами и утверждался русским правительством, в крае действовали местное право, система самоуправления и суда. В то же время русское присутствие в Калмыкии неуклонно усиливалось, что выражалось в наплыве на калмыцкие земли русских переселенцев, активизации процесса христианизации и все более серьезном вмешательстве центральной власти и астраханской администрации в дела внутреннего управления. После того как в 1771 г. большая часть калмыков, недовольных происшедшими изменениями, откочевала в Китай, калмыцкое ханство было упразднено, а его земли были включены в состав Астраханской губернии. Управление Калмыкией стало осуществляться калмыцкой войсковой канцелярией при астраханском губернаторе, а затем калмыцким правлением в составе русских чиновников

и представителей калмыцкой элиты. На низшем уровне сохранились традиционное административно–территориальное деление и местное самоуправление. Гражданские споры калмыков между собой рассматривались специальным калмыцким судом, а остальные дела были подсудны русским судебным органам.

Наиболее важным изменением в сфере государственного управления Сибирью являлась ликвидация Сибирского приказа и передача управления сибирскими землями на губернский уровень.

Пожалуй, наиболее нестабильным регионом в составе Российской Империи в плане организации государственного управления являлась Малороссия. До 1722 г. функцию центрального управления ею осуществлял Малороссийский приказ, а затем Малороссийская коллегия, действовавшая с 1722 по 1728 гг. и с 1764 по 1786 гг. Власть гетмана также была крайне неустойчива либо вовсе отсутствовала и в 1764 г. гетманство было окончательно упразднено. В 1775 г. также последовала ликвидация Запорожской сечи. В начале 1780–х гг. вместо особого административно–полкового устройства на землях Малороссии были введены административно–территориальное деление и система местного управления, предусмотренные Учреждением о губерниях. Также в конце XVIII в. казацкой старшине и помещикам был предоставлен статус российского дворянства, рядовые казаки превратились в государственных крестьян, а право крестьянского перехода было отменено. Таким образом, в царствование Императрицы Екатерины II Малороссия полностью утратила былую автономию. В правовой же сфере на ее территории по–прежнему действовали нормы Литовского статута 1588 г. и магдебургского права.

Таким образом, государственное управление инородческими окраинами Империи в XVIII в. характеризовалось предоставлением им на начальном этапе нахождения в составе России более или менее широкой автономии вплоть до фактического статуса «государства в государстве» и последующим ее постепенным ограничением и даже практически полным упразднением. Но в любом случае русская власть всегда учитывала этнокультурную самобытность населявших Россию многочисленных народов и выстраивала свои взаимоотношения с ними с учетом особенностей каждого из них. Вследствие проведения подобной имперской политики Россия XVIII в., так же как и Московское Государство второй половины XVI в. – XVII в., не являлась «плавильным котлом», а представляла собой чрезвычайно сложное и крайне неоднородное государственное образование, огромный общий дом, в котором совместно с русским народом и под главенством и покровительством Императора Всероссийского проживало и трудилось множество самых разных больших и малых народов.

Список источников:

1. Рожнов (2016) – Рожнов А. А. История отечественного государства

и права. Эпоха Московского Государства (XIV–XVII вв.). М., 2016.

2. Трепавлов (2007) – Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.

3. Янчев (2016) – Янчев А. С. Систематизация военного законодательства во второй четверти XIX века. М., 2016.

4. Исаев (2012) – Исаев М. А. История российского государства и права. М., 2012.

5. Мاستюгина, Перепелкин, Стельмах (2013) – Мاستюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г. Национальная политика в России XVI – начало XXI века. М., 2013.

References:

Rozhnov A. A. History of the domestic state and law. The era of the Moscow State (XIV – XVII centuries) [Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. Epoha Moskovskogo Gosudarstva (XIV–XVII vv.)]. М., 2016.

Trepavlov V. V. «The White Tsar»: the image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV – XVIII centuries [«Belyj car'»: obraz monarha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.]. М., 2007.

Yanchev A. S. Systematization of military legislation in the second quarter of the XIX century [Sistematizaciya voennogo zakonodatel'stva vo vtoroj chetverti XIX veka]. М., 2016.

Isaev M. A. History of the Russian state and law [Istoriya rossijskogo gosudarstva i prava]. М., 2012.

Mastyugina T. M., Perepelkin L. S., Stelmakh V. G. National policy in Russia in XVI – beginning of XXI century [Nacional'naya politika v Rossii XVI – nachalo XXI veka]. М., 2013.